

Т.П. Буслакова

«Неуютная жидкая лунность...» <1925>

Стихотворение построено на антитезе «старое — новое», «Полевая Россия» — «стальная» Русь. В обрисовке деревенского пейзажа использованы характерные для есенинской лирики детали: луна, равнины, вербы, «тележная песня колес», «очажный огонь», «яблонь весенняя вьюга», поля, березы, тополя. Но теперь в них лирический герой видит не красоту и поэтичность, а неуютность, «бедность», «нищету».

Особенности настроения лирического героя передаются прежде всего фоническими средствами. В первой же строчке возникает ассонансный повтор «у»: «**Неуютная жидкая лунность...**»

Реминисцентным фоном для этого является звуковой повтор в первых строчках двух пушкинских стихотворений: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) и «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830). Благодаря ассонансу, еще до того, как переживание лирического героя проявлено на содержательном уровне, создается гнетущее, унылое настроение, противоречащее смыслу (воспоминание о юности и «веселье» в «Элегии»).

В дальнейшем «у» в двух этих стихотворениях Пушкина становится одним из основных ассонансных звуков. У Есенина он также повторяется во всех семи строфах, при этом высвечивая в таких светлых по смыслу понятиях, как юность, вьюга, душа, луна и даже Русь, «бедную, нищую», «чахоточную» сторону.

«Лунность» оказывается «неуютной жидкой», свет луны «чахоточным». «Бесконечные равнины» навевают тоску. Вербы выглядят «усохшими». «Песне тележных колес» герой готов предпочесть «моторный лай», не соглашаясь возвращаться к ней «ни за что». «Равнодушен» он стал и к дому, разглядев в нем «лагучу». Природа ассоциируется у него с трудом пахаря, который был обречен «волочиться сохой по полям». Он готов отказаться от своего будущего ради того, чтобы на смену бедности «родной стороны», пусть через «бури и грозы», пришло «каменное и стальное»:

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь...

«Будущая мощь» России возвышается им в противовес ее прежней нищете, которую, «любя, проклинал не один» он. Как и в пушкинской «Элегии», лирический герой есенинского стихотворения, принимая жизнь во всей ее прозаической неприглядности, жестокости, беспощадности к человеку, рискуя потерять «В сонме вьюг, в сонме бурь и грез» (у Пушкина «Меж горестей, забот и тревоженья...»), испытывает просветление. Для него последней мыслью, надеждой, любовью остается «родная сторона», ради блага которой он готов на самоотречение, на отказ от вдохновлявшей его «песни»:

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

Несмотря на то что лирический герой неоднократно прямо говорит, что ему «теперь по душе иное», она невольно звучит в ритмике стихотворения. Первая, вторая и шестая строфы написаны трехстопным амфибрахией (остальные — дольник), передающим движение «тележных колес» по «бесконечным равнинам». Напевность стихотворению придает обилие ассонансов и аллитераций на сонорные. Они использованы в большинстве

рифмующихся слов («лунность» — «юность», «равнин» — «один», «иное» — «стальное»), а также при ритмических перебивах:

Равнодушен я стал к лачугам...
...
Мне теперь по душе **иное**...
...
И березам и тополям...
...
В сонме вьюг, в сонме бурь **и гроз**...

Песенная стилистика стихотворения не согласуется с его содержательной стороной, что выявляет противоречивость переживаний лирического героя, оказавшегося на переломе эпох. В своей душе он пытается соединить любовь и ненависть («любя, проклинал»), прошлое и будущее («...что видел я в резвую юность...» — «...не знаю, что будет со мною...»), сомнение и веру, преданность вечным ценностям и стремление к обновлению. Его выбор, провозглашенный и обоснованный в стихотворении как естественный исход истории России («Нищету свою видеть больно//И березам и тополям»), сопряжен с непостоянным духовным напряжением.